

Время. 1862. №2.

МИКРОСКОПИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

Только тотъ, кто очень любитъ тонкости, кто пристрастился къ дробнѣйшему анализу, только такой человѣкъ можетъ находить интересъ въ нашей современной журналистикѣ. Безъ микроскопа, увеличивающаго въ тысячу разъ въ ней часто ничего не увидишь, ничего не разберешь; все сливается въ однообразную плоскость съ оттѣнками различныхъ цвѣтовъ. Но тотъ, кто любитъ микроскопическія наблюденія, можетъ найти много интереснаго. Онъ съ удовольствіемъ можетъ наблюдать, что проявленія жизни продолжаютъ совершаться; подъ микроскопомъ онъ видитъ странныя формы очевидно живыхъ существъ, замѣчаетъ какъ они вступаютъ

въ борьбу и стремятся даже поглотить другъ друга. Всякій конечно имѣетъ право дѣлать такія наблюденія для пользы науки; нужно только, чтобы онъ не забывалъ приводить размѣра описываемыхъ имъ явленій къ ихъ настоящему, микроскопическому масштабу. Соблюдая это условіе, я рѣшаюсь предложить здѣсь читателямъ нѣкоторыя весьма современныя наблюденія.

Къ числу послѣднихъ великихъ событій нашего литературнаго міра безъ сомнѣнія относится дѣло г. Писемскаго. Всякій, знакомый со всѣми документами этого дѣла, я надѣюсь согласится со мною, что въ немъ трудно открыть что-либо замѣчательное, что для невооружоннаго глаза оно является во всѣхъ отношеніяхъ совершенною плоскостью. Въ самомъ дѣлѣ - о чемъ вопросъ? Выразились какія-нибудь мнѣнія? Проявилась борьба убѣжденій? Ничего не бывало; ни малѣйшаго умственнаго движенія не произошло. Тишь да гладь, да божья благодать!

Между тѣмъ если наблюдать дѣло въ микроскопъ, оно возбуждаетъ нѣкоторое изумленіе; это изумленіе возбуждается не предметомъ, о которомъ шла рѣчь, а именно отношеніемъ между собою литераторовъ и литературныхъ органовъ. Вотъ точка зрѣнія, открываемая посредствомъ микроскопа! Человѣкъ простой, не имѣющій понятія объ оптическихъ инструментахъ, никогда не станетъ на такую точку зрѣнія. Онъ все будетъ думать, что дѣло идетъ о чемъ-нибудь большомъ, доступномъ простому глазу, на примѣръ о школахъ и образованіи, о женщинѣ и ея значеніи и т. п. Зато онъ и не замѣтитъ ничего важнаго, ни капли замѣчательнаго. Только тотъ, кто умѣетъ увеличивать предметы въ тысячу разъ, откроетъ, что интересъ, дѣло, фактъ дѣйствительно существуетъ, но вполне сосредоточивается въ существахъ, недоступныхъ для невооруженнаго глаза, въ литераторахъ. Благодаря успѣхамъ оптики теперь это ясно для всѣхъ. Было много разъ сказано, и приходится еще разъ

повторить, что большею частью событія нашей литературы таковы, что рѣчь нужно вести не о дѣлѣ, а о лицахъ, которыя участвуютъ въ этомъ дѣлѣ. Начнутъ разсуждать, заговорять и заспорятъ часто богъ-знаетъ о какихъ важныхъ предметахъ, о философіи, объ искусствѣ,

о камерахъ, присяжныхъ,

О Байронѣ - ну объ матерьяхъ важныхъ.

Но несмотря на весь жаръ и шумъ рѣчей просто языкъ не поворачивается, чтобы продолжать или развивать эти рѣчи о важныхъ предметахъ. Когда вздумаешь судить, то по самому существу дѣла приходится говорить исключительно объ однихъ говорящихъ, а никакъ не о томъ о чемъ они вздумали говорить.

Въ настоящемъ случаѣ это ясно какъ день. Изъ всей полемики, возникшей относительно г. Писемскаго нельзя выжать ни капли содержанія, ни единой крупы пищи для любознательнаго ума и чувствительнаго сердца. Весь вопросъ

состоить въ одномъ столкновеніи авторитетовъ (а вѣдь сколько писали противъ всякаго авторитетства!), въ частныхъ отношеніяхъ литераторовъ и литературныхъ органовъ.

Вся драма, или если хотите комедія, состоитъ пока изъ четырехъ актовъ:

1) Никита Безрыловъ явился со своимъ фельетономъ в декабрьской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія».

2) «Искра» грозно востала противъ него и вмѣстѣ противъ его укрывателя, редактора «Библиотеки для Чтенія», г. Писемскаго.

3) «Русскій Миръ» объявилъ брань «Искры» преступленіемъ и сообщилъ, что противъ нея готовится протестъ, подписанный уже тридцатью именами.

4) Гг. Никита Безрыловъ и Писемскій отвѣчали своимъ врагамъ въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія».

Начнемъ же по порядку.

Фельетонъ Никиты Безрылова былъ дѣломъ никакъ не выходящимъ изъ порядка вещей. Я вполне увѣренъ, что

почти никто ему не удивился и что многіе, къ числу которыхъ принадлежу и я, прочли его съ удовольствіемъ. Въ этомъ фельетонѣ Безрыловъ относился съ извѣстнаго рода ѣдкимъ юморомъ къ нѣкоторымъ предметамъ, прямо подлежащимъ вѣдѣнію фельетонистовъ, именно къ современнымъ общественнымъ явленіямъ - къ воскреснымъ школамъ, къ эмансипаціи женщинъ и къ литературнымъ чтеніямъ.

Юморъ этотъ отчасти русскаго свойства; онъ напоминаетъ ту натуру, про которую Гоголь говоритъ, что она ничего преснаго не любитъ; его можно назвать стопудовымъ. Но я вполнѣ понялъ его и могъ имъ въ точности насладиться, потому что совершенно знакомъ съ нимъ по сочиненіямъ г. Писемскаго, одного изъ любимыхъ моихъ писателей. Никита Безрыловъ очевидно есть одинъ изъ даровитыхъ и вполнѣ успѣшныхъ подражателей г. Писемскому; такъ сходень ихъ тонъ и пріемы.

Такимъ образомъ всякій, безпристрастно читающій, могъ бы по этому случаю только

возрадоваться появленію новаго таланта въ нашей литературѣ. Между тѣмъ чтоже случилось? «Искра» внезапно разразилась бранью на нѣсколькихъ столбцахъ! Чтоже это значить? Если юморъ Никиты Безрылова совершенно однороденъ съ юморомъ г. Писемскаго, то спрашивается какъ это могло ускользнуть отъ нашихъ литераторовъ? Если гнѣвъ почтеннѣйшей «Искры» справедливъ, то какимъ образомъ мы пятнадцать лѣтъ переносили этотъ юморъ, обращенный ко всѣмъ явленіямъ нашей народной и ненародной жизни, юморъ, сохраняемый г. Писемскимъ во всемъ, что онъ пишетъ, и что мы всѣ читали? Какъ мы могли придти въ негодованіе только тогда, когда этотъ юморъ случайно обратился на современныя и близкія явленія? Положимъ что въ немъ есть огромные недостатки. Положимъ, что въ немъ господствуетъ цинизмъ, столь рѣзкій, что художественность часто едва достаточна для того чтобы скрыть его и примирить съ нимъ. Но если недостатки дѣйствительно есть, то въ полномъ собраніи

сочиненій г. Писемскаго они безъ сомнѣнія должны были обнаружиться гораздо яснѣе и рѣзче, чѣмъ въ пяти страницахъ, составляющихъ спорный фельетонъ. Спрашивается, чтоже смотрѣла наша критика, если она считаетъ долгомъ обидѣться теперь, а пятнадцать лѣтъ не обижалась?

И такъ «Искра» поступила опрометчиво и легкомысленно. Что-нибудь одно изъ двухъ: - или она должна была нападать цѣликомъ на всѣ творенія г. Писемскаго или оставить вовсе въ покоѣ шуточки Никиты Безрылова. вмѣсто того «Искра» напала на Безрылова съ неумѣреннымъ усердіемъ.

И тутъ однакоже не было ничего необыкновеннаго, ничего выходящаго изъ порядка вещей. Кто слѣдилъ за военными дѣйствіями «Искры» хотя сколько-нибудь внимательно, тотъ безъ сомнѣнія не увидитъ въ настоящемъ случаѣ никакого отступленія отъ всегдашнихъ ея пріемовъ. Бѣдная «Искра»! Журналь по видимому злой и обижающій, но въ сущности самъ

весьма достойный сожалѣнія? Съ какимъ усиліемъ она ищетъ случаевъ для своего обличенія! Какъ тѣсенъ кругъ предметовъ доступныхъ ея взгляду! Какъ мало для нея существуетъ разнообразія въ жизни! Ищетъ-ищетъ она предмета для своего гнѣва и кончится тѣмъ, что обратится на литературу и принимается казнить ее съ удвоенною злобою. Дѣло часто доходитъ до забавнаго. Читатели можетъ-быть помнятъ длинный походъ «Искры» на вновь являвшихся поэтовъ, начиная съ г. Случевского. Это было настоящее избіеніе младенцевъ, которое совершалось съ великимъ усердіемъ. Подумаешь, какіе подвиги намъ приходится дѣлать! Какая, въ самомъ дѣлѣ, язва - новые стихотворцы! Истребляйте и гоните ихъ безъ милосердія!

Вотъ и теперь алчнымъ глазамъ «Искры» не представилось ничего болѣе важнаго и замѣтнаго, какъ довольно невинный фельетонъ Безрылова. Она разразилась громами краснорѣчія, потоками упрековъ. Нечего сказать - нашла мѣсто для краснорѣчія!

Во всемъ этомъ однакожь нѣтъ ничего особеннаго; все это, какъ мы уже замѣтили, совершенно въ порядкѣ вещей. Только тутъ начинается, какъ говоритъ почтмейстеръ, нить завязки романа. Несмотря на обыкновеннѣйшій ходъ дѣла, мы узнаемъ изъ «Русскаго міра», что собратія г. Писемскаго оскорбились плохою статейкою «Искры». Они рѣшились на необыкновенное средство и готовятъ протестъ. «Подписавшихся было до 30 и ожидается еще значительное число.» Можетъ-быть опять появятся въ русской литературѣ братья Милеанты, чѣмъ они безъ сомнѣнія навѣки упрочатъ свое безсмертіе въ исторіи нашего умственнаго движенія.

Спрашивается, чтоже это значитъ? Какимъ образомъ дѣло могло получить такой оборотъ? Казалось бы брань есть дѣло привычное въ нашей литературѣ. Мало ли кого бранили? Наконецъ, кого не бранили? Отъ давнихъ дней порядокъ у насъ одинъ и тотъ же:

Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга
губятъ
И хоромъ про свои побѣды трубятъ.

Кто хоть немножко любить литературу, тотъ конечно вспомнить безчисленные случаи, когда ему вчужѣ было больно за проявленія всевозможной наглости, всякаго рода глумленія и лая, обращенныя часто къ самымъ дорогимъ для читателей именамъ. А если мы вспомнимъ ближайшее время столь замѣчательное развитіемъ полемики, то невольно удивимся отсталости г. Писемскаго и его друзей. Прогрессъ относительно брани былъ быстрый, широкій и въ настоящую минуту въ самомъ сильномъ ходу. Если въ чемъ преуспѣла русская литература, такъ именно въ ругательныхъ выраженіяхъ, которыя своимъ разнообразіемъ, выразительностью и богатствомъ свидѣтельствуютъ о силѣ русскаго языка и русской фантазіи. И къ кому не были примѣняемы самыя сильныя изъ этихъ выраженій? Во всей литературѣ

кто остался не обруганнымъ? Кто не имѣетъ въ виду, что его обругаютъ при первомъ удобномъ случаѣ? Надѣюсь, сомнѣнія здѣсь быть не можетъ. Ничего не могло бы быть легче, какъ набрать множество самыхъ громкихъ именъ въ нашей литературѣ и привести разныя выраженія наибольшей крѣпости, которыя были употреблены въ отношеніи къ этимъ именамъ. При нѣкоторой начитанности легко было бы указать на нумера, статьи и страницы.

Таковы наши литературные нравы. Таковъ тонъ, въ которомъ мы пишемъ одинъ объ другомъ. Ко всему этому мы привыкли; все это есть дѣло явное и публичное. Такъ что, принимая въ соображеніе этотъ господствующій тонъ нашей литературы, окажется весьма удивительнымъ такое явленіе, что г. Писемскій или его пріятели рѣшились протестовать противъ брани. Что за аристократизмъ! Что за исключительное положеніе? Съ чего взяли, кто бы то ни былъ, что г. Писемскій принадлежитъ к

числу неругаемыхъ въ нашей литературѣ? Какими основаніями и доводами можно подкрѣпить эту неругаемость?

Притязаніе на такую неприкосновенность кажется намъ самымъ замѣчательнымъ явленіемъ во всей этой исторіи. Откуда оно могло явиться? Развѣ статейка «Искры» отличается отъ обыкновенныхъ нашихъ литературныхъ приемовъ? Ни мало. Она даже отзывается яснымъ подражаніемъ. Гнусная дичь, выраженіе весьма игривое; но подобныя ему выраженія были уже употребляемы. Въ литературѣ мы признаемъ полное равенство, отсутствіе всякихъ отличій. Слѣдовательно, если брань была обращена на однихъ, то можетъ-быть обращена и на другихъ. И если г. Писемскій или кто-нибудь вмѣсто него считаетъ нужнымъ протестовать противъ обращенной на него брани, то необходимо должно протестовать и за всѣхъ другихъ, осыпанныхъ бранью. Въ самомъ дѣлѣ, за чтоже они остались безъ отзыва и защиты? Какъ можно допустить такую явную несправедливость? Какъ

можно кому бы то ни было давать такую огромную привилегію передъ другими? Если вспомнимъ всю толпу, безропотно подвергавшуюся тяжелой литературной участи - быть обруганнымъ, то притязанія на неругаемость покажутся невыносимой гордостью. Грабежъ! Монополія! Долой привилегіи! Вотъ что скажетъ всякій истинный приверженецъ литературнаго равенства.

По всему этому мы считаемъ дѣйствительнымъ прогресомъ выходку «Искры» противъ г. Писемскаго. Если у насъ дѣйствительно существовалъ разрядъ неприкосновенныхъ лицъ, то она разрушила очарованіе этой неприкосновенности и показала возможность полного равенства. Кто былъ прежде уязвленъ печатными насмѣшками, тотъ можетъ теперь утѣшиться. Рано или поздно дойдетъ до всѣхъ очередь. Всѣхъ ругаютъ; вотъ обругали Писемскаго; слѣдовательно чтожъ за бѣда? Такова участь всякаго литератора!

Такимъ образомъ исторія съ г. Писемскимъ свидѣтельствуеть только, что

еще не водворилось полное равенство въ нашей литературѣ, что у нѣкоторыхъ лицъ еще существуетъ мечта о неприкосновенности. Первый результатъ микроскопическихъ наблюдений!

Второй результатъ, подобенъ первому; но касается не лицъ, а журналовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что г. Писемскій и друзья его не обидѣлись бы, не сочли бы брани за оскорбленіе, еслибы она не явилась въ «Искрѣ». Явись она гдѣ-нибудь подальше, въ мѣстахъ болѣе глухихъ, никто конечно не обратилъ-бы на нее вниманія. Г. Писемскій остался-бы спокоенъ, и тридцать друзей его не сочиняли-бы труднаго протеста. Но дѣло произошло въ Искрѣ, а «Искра», какъ говоритъ самъ «Русскій Міръ», есть «органъ современной сатиры». Понимая прямо, это значитъ - журналъ, въ которомъ по преимуществу проявляется современная сатира. Теперь понятно отчего испугался г. Писемскій и кружокъ его почитателей. Искра - авторитетъ! Вотъ опять микроскопическій фактъ нашего литературнаго міра. Не боятся «Свѣточа»,

не боятся «Инвалида» или «Русскаго Міра», а «Искры» или «Современника» боятся! Между тѣмъ не всѣ ли мнѣнія равны? Не всякій ли органъ равно достоинъ уваженія? Давать одному органу предъ другимъ большее значеніе, - не значитъ ли явно, передъ всею публикою поклоняться авторитетамъ, приносить жертвы идоламъ?

Дѣло здѣсь очень просто. Каждая статья, каждая страница, гдѣ бы она ни была напечатана, отвѣчаетъ сама за себя. Если она плоха, то тѣмъ хуже тому, кто ее написалъ и напечаталъ. Если «Искра» криво и невѣрно напала на г. Писемскаго, то тѣмъ хуже для «Искры»; она теряетъ, а не г. Писемскій. вмѣсто этихъ отвлеченныхъ соображеній въ настоящемъ случаѣ являются очевидно частныя соображенія, именно принимается въ расчетъ, что «Искра» имѣетъ значительный авторитетъ, - что не легко повѣрять, что она промахнулась, - что отвѣтъ на ея выходки не будетъ имѣть такого вѣсу, какъ самыя эти выходки.

Намъ кажется, что мы не ошибаемся. Иначе трудно объяснить какимъ образомъ простая и обыкновенная полемика могла привести къ мысли о протестѣ. Но кажется тучи разсѣваются. По видимому протестъ не состоится. «Современникъ» уже объявилъ въ «Искрѣ», что онъ со своими сотрудниками не будетъ участвовать въ протестѣ и что «Русскій Міръ» неправильно помѣстилъ его въ числѣ протестантовъ.

Наконецъ явилась январская книжка «Библиотеки для Чтенія» и мы совершенно успокоились. И г. Писемскій и г. Безрыловъ сами выступаютъ на битву.

За гибель - гибель, брань за брань!

Книжка Библиотеки даже особенно замѣчательна своею воинственностію. «Искра» въ ней названа клоакою. Ну вотъ и прекрасно! Долгъ платежомъ красенъ и обѣ стороны должны быть довольны. Но кромѣ того въ «Библиотекѣ» на этотъ разъ такъ много разныхъ полемическихъ красотъ, что г. Писемскій по своему

собственному журналу болѣе чѣмъ по какому-нибудь другому можетъ убѣдиться, что тонъ «Искры» можетъ-быть названъ даже скромнымъ въ сравненіи съ другими голосами и ужъ ни какъ не нарушаетъ общаго хора.

Невольно приходитъ намъ на мысль другой примѣръ, который можетъ-быть весьма поучителенъ для г. Писемскаго и его защитниковъ. Въ январской книжкѣ «Современника» есть такой крупный полемическій перлъ, что его трудно оставить безъ вниманія. Въ «матеріалахъ для біографіи Н. А. Добролюбова», послѣ длиннаго отрывка изъ дневника, гдѣ Добролюбовъ выражаетъ любовь къ одному изъ своихъ наставниковъ, г. Чернышевскій восклицаетъ слѣдующее:

«Теперь, милостивые государи, называвшіе нашего друга челоуѣкомъ без души и сердца, - теперь честь имѣю обратиться къ вамъ, и отъ имени моего, отъ имени каждаго прочитавшаго эти страницы, въ томъ числѣ и отъ вашего собственнаго

имени, - да, и вы сами повторяете себѣ то, что я говорю вамъ, - теперь имѣю честь назвать васъ тупоумными глупцами. Вызываю васъ явиться, дрянные пошляки, - поддерживайте же ваше прежнее мнѣніе, вызываю васъ.....

«Вы смущены? Вижу, вижу, какъ вы пятитесь.»

«Помните же, милые мои, что напечатать имена ваши въ моей волѣ и что съ трудомъ удерживаю я себя отъ этого».

Нельзя не видѣть въ этой полемической выходкѣ нѣжной заботливости о памяти друга; но къ сожалѣнію, гораздо сильнѣе поражаетъ читателя другое, именно тонъ и форма полемики. Тупоумные глупцы и дрянные пошляки! Выраженія замѣчательно-сильныя! И трудно думать, чтобы они были обращены къ лицамъ неизвѣстнымъ и маловажнымъ; самый гнѣвъ г. Чернышевскаго свидѣтельствуется противное. Вотъ примѣръ и поученіе для г. Писемскаго. Слава-богу, онъ еще не названъ тупоумнѣйшимъ глупцомъ и

дряньнѣйшимъ пошлякомъ. На чтоже онъ жалуется?

Но сверхъ силы выраженій еще замѣчательнѣе то, что г. Чернышевскій грозитъ. Угрозу нужно понимать кажется такъ: - въ моей власти назвать васъ по именамъ и прибавить, что вы тупоумнѣйшіе глупцы и дряннѣйшіе пошляки. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы г. Чернышевскій напечаталъ только то, что вотъ такой-то и такой-то ошибались въ характерѣ Добролюбова, то спрашивается, чтоже тутъ былобы страшнаго такого? Ошибаться есть дѣло простибельное. Я смѣю думать, самъ г. Чернышевскій иногда ошибается. Или можетъ-быть онъ непогрѣшимъ какъ римскій папа?

Если дѣло говоритъ само за себя, то незачѣмъ ругаться; еслиже все дѣло въ ругани, то ею нельзя грозиться. Если г. Чернышевскій печатно называетъ другихъ тупоумными глупцами и дрянными пошляками, то этимъ самымъ онъ только даетъ право и другимъ въ случаѣ надобности назвать его тупоумнымъ

глупцомъ и дряннымъ пошлякомъ. На чтоже онъ надѣется? На свой авторитетъ? Или можетъ-быть на то, что не всякій рѣшится прибѣгать къ тому же оружію? Хороши расчеты, нечего сказать!

Кулачное право - вотъ верховный законъ, который господствуетъ въ нашей литературѣ. Покоряться ему неизбежно. Но пусть бы мы наслаждались этимъ правомъ, да по крайней мѣрѣ не хвалились и не хвастались имъ. Немножко совѣстно, когда кто-нибудь сознательно скажетъ: я имѣю силу, слѣдовательно - прочь съ дороги! И къ чему это говорить? Кто просить такъ наивно обнаруживать себя? Не лучше ли принимать на себя видъ безпристрастія, остроумія, глубокомыслія, и такимъ образомъ показывать всѣмъ и каждому, что власть и сила принадлежитъ у насъ только уму и таланту? Кажется вѣдь дѣло бывалое, привычное; нельзя взять умомъ, такъ возьмемъ умѣньемъ.

Если взять дѣло поглубже, то окажется, что брань, господствующая въ нашей литературѣ, есть брань очень низкаго сорта.

Она слишком легкомысленна, слишком голословна и поверхностна для того, чтобы имѣть глубину и ѣдкость. Мы еще не привыкли достаточно къ печати и тѣшимся ею, какъ дѣти. Имѣя подъ руками печатный станокъ, мы никакъ не можемъ удержаться, чтобы отъ времени до времени не пустить задорнаго слова противъ тѣхъ, кто намъ не нравится. Насъ еще забавляетъ то, что мы можемъ напечатать, опубликовать наше нерасположеніе къ тому или другому. Отсюда безчисленные литературные турниры, въ которыхъ мы такъ усердно упражняемся. Насъ увлекаетъ самая ихъ публичность, наше театральное положеніе относительно публики. Слѣдовательно дѣло не серьезное, шуточное; вотъ почему оно ведется часто такъ легкомысленно. Кто дѣлаетъ дѣло серьезно, тотъ опирается и надѣется на мысль, на силу души и чувства. Тому легко быть сдержаннымъ и приличнымъ. Мы же часто тамъ, гдѣ нужно употребить мысль и чувство, употребляемъ брань, т. е. слѣпую силу, силу печати. Мы находимъ, что это средство легче и

удобнѣе; мы такъ легко смотримъ на дѣло, что не чувствуемъ нужды въ болѣе крѣпкихъ и надежныхъ средствахъ.

И вотъ мы потѣшаемся вволю. «О томъ-то вонъ что напечатано!» «Тамъ-то задѣли такого-то!» «Какъ того-то обругали!» Только и слышно. Чтоже дѣлать? Мы скучаемъ, и безъ этого намъ было бы еще скучнѣе. «Искрѣ» простительно разразиться бранью на г. Писемскаго; вѣдь это сдѣлано было что называется съ голоду, за неимѣніемъ возможности найти другую пищу для ея сатирическаго ума. Такъ это у насъ и будетъ, пока не придетъ пора взяться за серьезное дѣло. Не дурно бы конечно остепениться немножко раньше; недурно бы заявить примѣръ крѣпкой мысли, глубокаго и твердаго убѣжденія, которое по самой своей сущности, гнушалось бы всякими злоупотребленіями словъ и авторитетовъ; не дурно бы если бѣ литература была замѣтнѣе въ общемъ движеніи... Но мало ли чего бы намъ еще хотѣлось? На нѣтъ и суда нѣтъ.

К. Н.
